

Сандра Мартон
Постарайся простить
Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 268

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4945794
Постарайся простить: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03976-7*

Аннотация

Она – принцесса из рода Медичи, он – американец итальянского происхождения, сын крестного отца мафии. Неприязнь и страстное влечение возникли между ними при первой же встрече, однако гордость и предубеждение долго не позволяли обоим показать свою истинную сущность. Но любовь способна преодолеть все преграды!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сандра Мартон

Постарайся простить

Глава 1

Свадебная церемония в маленькой церкви в Нижнем Манхэттене, а потом прием в особняке Орсини... Это был долгий день, и Николо Орсини был готов уехать.

Дома, в постели, его ждала женщина. Он оставил ее там, когда в десять часов утра покидал свою трехэтажную квартиру, расположенную рядом с Центральным парком.

– Тебе обязательно нужно идти, Никки? – спросила она, надув губки, столь же сексуальные, как и все ее роскошное тело.

Ник у зеркала повязывал галстук. Бросив на свое отражение последний взгляд и удостоверившись, что все в порядке: смокинг, сшитый на заказ, сидит идеально, шелковая рубашка белоснежна, туфли начищены до блеска – он подошел к кровати, поцеловал женщину в волосы и коротко сказал:

– Да.

Не каждый день женится родной брат. Конечно, этого он ей не сказал. Просто сообщил, что идет на свадьбу. Уже одного этого слова было достаточно, чтобы в ее голубых глазах вспыхнули искорки интереса, а если бы она еще узнала, что женится его брат...

Семья Орсини и свадьбы – это не те темы, которые он обсуждал с женщинами, ибо они немедленно зароняли в их голову ненужные мысли.

– Я позвоню, – бросил Ник напоследок, и женщина снова капризно надула губки.

Однако этот жест вызвал у него не приятное волнение, а раздражение. Тем не менее он предложил женщине остаться в квартире до его возвращения.

Ник поднес к губам бокал с шампанским и снова вспомнил сегодняшнее утро.

Черт! Он надеялся, что женщина все-таки убралась восвояси.

Он ничего не имел против красивых женщин в своей постели, но его интерес конкретно к этой особе явно угас, а женская истерика, как правило сопровождающая конец романа, было последним, что ему требовалось на исходе столь изматывающего дня.

Как бы сильно Ник ни любил своих братьев, сестер, мать, невесток и маленького племянника, он ужасно уставал от семейных сборищ.

В любом случае ему пора уходить.

С застекленной веранды Ник окинул взглядом сад. Кусты, которые его сестра Изабелла посадила пару лет назад, были в цвету, несмотря на конец осени. За кустами высились высокие каменные стены, надежно ограждавшие дом от улиц его детства. Конечно, они очень изменились, и он почти не узнавал их. «Маленькая Италия», бывшая домом для многих поколений итальянских иммигрантов, стремительно превращалась в Гринвич-Виллидж.¹

Модные магазины, дорогие рестораны, художественные галереи... Прогресс, мрачно подумал Ник и выпил еще шампанского. Ему претило наблюдать все это. Он вырос на этих улицах, пусть даже не все его воспоминания были теплыми и радостными. Если твой отец – глава мощного преступного синдиката, невольно слишком рано начинаешь осознавать, что твоя жизнь отличается от жизни сверстников. Он понял это в девять или десять лет, когда узнал, кем является Чезаре Орсини. И возненавидел отца.

¹ Гринвич-Виллидж – один из самых богатых и популярных районов Манхэттена.

Но его связь с матерью и сестрами всегда оставалась крепкой. Что же касается братьев...

Ник улыбнулся.

Их связь была чем-то большим, чем просто кровное родство. Они дрались, как волчата, нещадно дразнили друг друга, и тут же вместе, дружно бросались на сверстников, решивших повеселиться, отлупив сыновей дон. В юности их пути резко разошлись, но только для того, чтобы снова сойтись. И теперь их братская связь стала куда крепче – они основали инвестиционную компанию, которая сделала всех их богатыми и могущественными. Они преуспели, но честным путем, без всей той мерзости, которой была наполнена жизнь Чезаре.

Они были словно частью друг друга – Рафаэль, Данте, Фалько и он, Ник. Близкие по возрасту, по темпераменту и очень похожие внешне.

Неужели теперь все изменится? Безусловно. Как же не измениться, если братья женятся один за другим!

Ник залпом допил шампанское и направился к бару. Бармен вежливо улыбнулся, открыл очередную бутылку «Дон Периньон» и налил золотистую жидкость в бокал.

– Спасибо, – поблагодарил Ник.

Невероятно, подумал он, наблюдая, как его брат Райф танцует с женой Кьярой. Его братья женаты! Ник никак не мог осознать это. Сначала Райф, потом Данте, а теперь и Фалько.

– Когда-нибудь и ты женишься, – сказал вчера Райф, когда они вчетвером отмечали предстоящую свадьбу Фалько в принадлежавшем им баре в Сохо.

– Только не я, – со смехом парировал Ник.

– Да-да, мой дорогой. И ты тоже, – сказал Данте.

– Поверь мне, – добавил Фалько. – Когда меньше всего ожидаешь этого, ты встретишь женщину, которая возьмет твое бедное сердце в свои нежные ручки.

Братья рассмеялись, и Ник решил не спорить больше.

Зачем говорить им, что это с ним уже однажды произошло, и – о, дьявол! – он не намерен снова попадать в этот ад.

Вполне возможно, что его братья окажутся в числе тех, кому повезет в браке, ведь их жены выглядят такими очаровательными. Но кто может знать наверняка? Ведь женщины хитры и коварны, они могут продать лед эскимосу, если захотят.

Ник нахмурился и поставил бокал с шампанским на стойку.

– Виски, – попросил он бармена, – двойной.

– Извините, сэр. Виски нет.

– Вы шутите?

– Нет, мистер Орсини. – Бармен, совсем молодой парень, испуганно сглотнул. – Я извиняюсь, сэр.

– К чему мне твои извинения...

На скулах Ника перекатались желваки. Ну что он прицепился к парню? Это же не его вина, что сегодня в баре только шампанское стоимостью две, нет, три сотни долларов за бутылку. Наверняка идея Чезаре. Папаша решил, что дорогое шампанское больше соответствует его имиджу.

Впрочем, вряд ли. Вполне возможно, Фалько сам оплатил свадебное торжество, как сделали это раньше Райф и Данте. Это было неременным условием их согласия на то, чтобы торжество проводилось здесь – в месте, которое их мать упорно именуется родительским домом. Изабелла занималась цветами, Анна – едой и напитками. Значит, ему нужно оторвать голову сестрице, а не бедному бармену.

– Извините, – сказал он парню, – просто я сыт шампанским по горло.

– Как я свадьбами. – Бармен улыбнулся. – Вчера обслуживал одну свадьбу днем, одну вечером, и вот теперь сегодня здесь. Когда я буду жениться, никаких торжеств!

Ник поднял вновь наполненный бокал в шутливом приветствии. Впрочем, ему хотелось спросить: «Черт, парень! А зачем вообще жениться?»

Хотя... Ник знал ответ на этот вопрос. В жизни мужчины наступает момент, когда он осознает, что должен оставить след на земле, и стремится к тому, чтобы дать детям свое имя.

О да! Ему тоже придется когда-нибудь жениться.

Но он никогда не позволит выбранной им женщине дурачить его иллюзией любви.

Ник открыл дверь и вышел в патио. Небо потемнело, обещали дождь, но он не обращал внимания на погоду, продолжая размышлять.

Когда наступит его время, он подойдет к выбору женщины логически, с холодной головой. Она должна будет без проблем войти в его жизнь – никаких требований, кроме положенных ей по статусу заботы и поддержки с его стороны. Он же потребует уважения к себе, и это будет его единственным условием.

Принимать эмоциональные решения – большая ошибка.

Раз, всего один раз в жизни, поддавшись эмоциям, он едва не совершил ее.

Хорошо, что у него хватило ума никому о ней не рассказывать. Даже братьям. Поначалу все было слишком хорошо, слишком «особенно», и поэтому он промолчал. А потом стало плохо, и он замкнулся в себе. Во всяком случае, Ник был избавлен от выслушивания сочувственных слов типа «Да, парень, нам жаль, что все так получилось...». И дело не в том, что братья были бы неискренни, просто иногда мужчине бывает стыдно. Стыдно узнать, что его использовали.

Это произошло четыре года назад. Во время командировки в Сиэтл он познакомился с женщиной. Она была умной, она была веселой, и еще она была красивой. Ее семья была весьма знатной и родовитой по американским меркам, но она предпочла идти своим путем и работала финансовым директором в одном небольшом частном банке, который Ник как раз намеревался купить.

Женщина оказалась в его постели в первый же вечер. Тогда он еще не знал, что все дело было в покупке банка. Желая как можно дольше удерживать эту женщину рядом с собой, Ник на уик-энды летал в Сиэтл, иногда она прилетала в Нью-Йорк.

Их связь длилась уже месяц, когда он решил рассказать ей о своем отце. Ник никогда не делал этого раньше, но в случае с этой женщиной все было по-другому.

И вот однажды ночью, обнимая ее в постели, он признался:

– Мой отец – Чезаре Орсини. – Когда же она никак не отреагировала, Ник пояснил: – Тот самый Чезаре Орсини. Крестный отец известной *famiglia*. Мафиози.

– Я знаю, Никки, – промурлыкала женщина с сексуальной улыбкой. – Меня это та-а-ак возбуждает.

Это признание должно было насторожить его. Но та часть его анатомии, которая управляла действиями Ника в тот момент, не восприняла тревожных сигналов.

Тем временем наступили праздники, и Ник пригласил ее провести долгий уик-энд вместе с ним. Она отказалась, сославшись на то, что должна уехать в Орегон к больной бабушке, и с улыбкой пообещала рассказать бабушке о том, что встретила замечательного мужчину.

Ник сказал, что все понимает и одобряет ее желание навестить больную бабушку. Она собиралась улететь в Орегон в субботу утром, а в пятницу вечером Нику пришла в голову идея полететь вместе с ней. Ему хотелось познакомиться с ее бабушкой и сказать той, как много значит для него ее внучка.

И Ник решил преподнести сюрприз.

Он прилетел в Сиэтл на личном самолете, взял напрокат машину и приехал к ней. Открыв дверь ключом, который она сама ему дала, Ник вошел в дом.

То, что он увидел...

Его возлюбленная лежала в постели со своим боссом, владельцем банка, и они со смехом обсуждали тот факт, что Николо Орсини непременно выложит за банк сумму, намного превосходящую его реальную стоимость.

– Орсини и ты, малышка... Это же классика: принцесса и конюх...

Тонкий хрустальный бокал треснул в руках Ника.

– *Merda!* Дерьмо!

Заметив, что поранился, он достал из кармана носовой платок и приложил его к ранке...

– Эй, парень! Шампанское не такое уж плохое. – Насмешливый голос принадлежал его брату Райфу. Тот стоял рядом, держа в обеих руках по бутылке пива «Хайнекен». Ник аж застонал от предвкушения и протянул руку.

– Ты просто волшебник! Где ты это раздобыл?

– Не задавай вопросов и не услышишь лжи в ответ. – Райф нахмурился, глядя на окровавленный платок в руке брата. – Как тебя угораздило?

Ник пожал плечами.

– Не рассчитал силу, – с усмешкой ответил он и поднял в приветствии свою бутылку пива. – За маленькие чудеса, – сказал он. – Такие, как, например, появление брата с бутылкой пива в самый нужный момент.

– Я решил, что нужно что-то делать – у тебя была такая кислая физиономия...

– У меня? А-а, наверное, в этот момент я думал об этой швейцарской сделке.

– Забудь о делах, – сказал Данте, присоединяясь к ним. В руках у него тоже оказалась бутылка пива. – Габи говорит, что вон та девушка... из фирмы по обслуживанию приемов... глаз с тебя не спускает.

Ник досадливо отмахнулся – снова братья взялись за свое.

А те громко расхохотались. Они поболтали еще немного. А потом жених и невеста стали прощаться с гостями.

Наконец-то он сможет убраться отсюда!

Ник выдержал родственные объятия и поцелуи, пообещал матери приехать на обед... Слава богу, отца поблизости не наблюдалось. Ник уже пробирался к выходу, как вдруг...

– Николо!

Черт возьми! Вспомни дьявола, и он тут как тут.

– Уже уходишь, сынок? Так скоро? – Чезаре, в смокинге от Армани, широко улыбался.

– Да, – холодно и коротко, как всегда, ответил Ник.

– Прямо сказано. Это мне по сердцу.

– У тебя нет сердца, отец.

– А ты еще и шустрый. Мне это тоже нравится.

– Прости, отец, но я должен идти...

– Ты разве забыл, что мы должны были встретиться еще в день свадьбы Данте?

Забыл?! Чезаре загнал тогда его и Фалько в угол. Томясь под дверью кабинета, где отец разговаривал с Фалько, Ник постепенно пришел в ярость. Какого черта он здесь топчется, как покорный слуга в ожидании зова хозяина? И ушел.

Впрочем, Ник знал, о чем хотел поговорить с ним Чезаре. Сообщить комбинации кодов сейфов, имена адвокатов, бухгалтеров, политиков... Одним словом, все, что должны знать сыновья дона на случай его смерти.

– Пять минут, – коротко бросил Ник. – Ты прекрасно знаешь, отец, что мне заранее неинтересно все, что ты можешь сказать.

Фреддо, телохранитель Чезаре, сделал шаг вперед, но тот повелительно махнул рукой, приказывая ему оставаться на месте, открыл дверь кабинета и пропустил Ника вперед.

– Может быть, Николо, мне удастся поколебать твою самоуверенность.

Десять минут спустя Ник во все глаза смотрел на отца.

– Я правильно понял – ты хочешь вложить деньги в винодельню? В винодельню Антонины во Флоренции?

– В Тоскане, Николо. Тоскана – это провинция, а Флоренция – ее столица.

– Урок географии закончен? Итак, ты решил вложить деньги в винодельню...

– Я еще не заключил контракт, но... да, я решил сделать инвестиции в винодельню принца.

– Принца? – Ник делано засмеялся. – Похоже на название фильма «Принц и дон», фарс в двух частях.

– Я рад, что тебе весело, – холодно заметил Чезаре.

– И как ты собираешься это проверить? Сделать предложение, от которого принц не сможет отказаться?

Лицо Чезаре посуровело.

– Не забывай, с кем говоришь, сынок!

– Или что? – Ник наклонился над столом, опершись на ладони и приблизив лицо к отцу. – Я не боюсь тебя, отец. Перестал бояться еще двадцать лет назад, когда узнал, кто ты.

– Да, ты никогда меня не боялся и не уважал, как сын должен уважать отца.

– Я ничего тебе не должен. А уважение, которое ты ждешь от меня...

– Мы теряем время. Все, что мне нужно сейчас от тебя, – это твоя профессиональная оценка.

Ник выпрямился и сложил руки на груди.

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу знать реальную стоимость винодельни. И прошу тебя сделать финансовую оценку.

Ник отрицательно покачал головой:

– Я оцениваю банки, отец, а не виноградники.

– Ты оцениваешь активы. Разве не на этом специализируется ваша с братьями компания?

– Как чудесно! – Губы Ника искривила саркастическая усмешка. – Ты, оказывается, заметил, что твои сыновья имеют собственное дело.

– Я прежде всего бизнесмен, Николо. – В ответ Ник непочтительно фыркнул, и глаза Чезаре опасно сузились. – Я бизнесмен, – повторил он. – А ты эксперт по финансовым приобретениям. Принц предложил мне десять процентов на пять миллионов евро. Я хочу знать, насколько это приемлемо. Принесет ли мне вложение прибыль, или я все потеряю, потому что дело принца на грани краха?

Чезаре взял со стола конверт и потряс им.

– Он приводит тут цифры и факты, но разве я понимаю, что они значат? Мне нужно твое мнение, твое экспертное заключение.

– Пошли туда бухгалтера, – с натянутой улыбкой посоветовал Ник. – Одного из своих приспешников, ловко подделывающих счета.

– Главный вопрос, – невозмутимо продолжал Чезаре, будто не заметив издевки, – зачем принцу мои деньги? Он говорит, что для расширения дела, но так ли это? Винодельня принадлежит его семье уже пять сотен лет, и вдруг сейчас ему понадобились внешние инвесторы. На эти вопросы нужны ответы, Николо, а кто мне скажет правду, если не мой сын?

– Хорошая попытка, – холодно прокомментировал Ник, – но не поздновато ли ты вдруг вспомнил о своем отцовстве?

– Я делаю это не для себя. – Чезаре поднялся. – Для твоей матери.

Ник расхохотался.

– Отлично! «Я делаю это ради твоей матери». Отлично, отец! Оказывается, это маме захотелось вложить деньги в итальянскую винодельню... Этот номер не пройдет.

– Есть вещи, касающиеся нас с твоей матерью, о которых ты не имеешь представления.

– Это точно. Для начала – я не представляю, почему она вышла за тебя замуж!

– Она вышла за меня замуж потому же, почему я женился на ней. – Голос Чезаре, обычно резкий, неожиданно смягчился. – Потому что мы любили друг друга.

– Конечно, – произнес Ник с сарказмом. – Ты и она...

– Мы сбежали. Ты знал об этом? Она была помолвлена с самым богатым человеком в нашей деревне.

Ник не смог скрыть удивления, и это не прошло мимо внимания Чезаре.

– Этот человек – отец жены Райфа, Кьяры.

– Отец Кьяры? Моя мать была с ним помолвлена?

– Твой брат знает об этом, но решил хранить секрет. Да, мы с Софией сбежали. – На лице Чезаре появились несвойственные ему мягкость и теплота. – Мы отправились в Тоскану.

Ник все не мог переварить услышанное – его отец и мать, влюбленные друг в друга настолько, что решились на побег...

– Почему Тоскана? Ведь вы оба сицилийцы?

– В Тоскане очень красиво, хотя и не так, как на Сицилии, конечно. Многие итальянцы считают Тоскану культурным сердцем страны, а Сицилию и сицилийцев...

Чезаре оборвал себя почти на полуслове Ник почувствовал, как история родителей захватывает его.

– А почему вы эмигрировали в Америку?

Левый глаз Чезаре задергался.

– Я не умел ничего, кроме того, чему научился мальчишкой, – ответил он. – Эти навыки ценились на Сицилии и, как оказалось, здесь, в Америке. А я не хотел, чтобы София прозябала в бедности...

Ник в яростном порыве перегнулся через стол к отцу.

– Как ты смеешь оправдывать именем матери все то, что делал?

– Я делал то, что должен был делать, – спокойно ответил Чезаре. Тут его голос снова потеплел. – Но если бы я смог подарить Софии... немного земли Тосканы! То единственное, о чем она когда-либо просила меня.

Понятно, к чему была эта трогательная история... А вдруг все рассказанное отцом правда?

– Ладно, – принял решение Ник. – Я посвящу этому делу два дня, и ни часом больше.

Чезаре протянул ему конверт.

– Все, что тебе будет нужно, ты найдешь здесь, Николо. *Mille grazie*, – поблагодарил он по-итальянски.

– Не стоит меня благодарить. Скажи спасибо своей жене, сорок лет назад сбежавшей с недостойным ее мужчиной.

Ник взял конверт и вышел из кабинета.

– Два дня, Алессия, – сказал принц Витторио Антонини. – Это все, о чем я прошу.

Алессия Антонини смотрела на залитый лунным светом виноградник, простиравшийся до самого горизонта. Стояла осень, урожай давно был собран, и виноградник выглядел безжизненным.

– Я тебе уже говорила, папа. В Риме меня ждет работа.

– Работа, – поморщился принц. – Беготню вокруг всяких знаменитостей ты называешь работой?

Алессия перевела взгляд на отца. Они стояли на веранде старой виллы, история которой насчитывала несколько столетий и которая была их «родовым гнездом».

– Я работаю в компании, занимающейся обеспечением связей с общественностью, так называемых паблик рилейшнз. И я не бегаю вокруг знаменитостей, а работаю с клиентами.

– Это означает, что тебе эти самые паблик рилейшнз дороже отца и ты не желаешь выполнить одну-единственную его просьбу?

– Папа, это не вопрос желания, а вопрос времени. У меня его попросту нет.

– Дело не во времени. Ты просто не хочешь хоть раз побыть послушной дочерью.

Этот разговор мог длиться бесконечно.

– Тебе не нужно было соглашаться на визит этого американца, если ты знал, что не сможешь встретиться с ним.

– Сколько можно тебе объяснять? У меня возникли важные дела. Я не могу быть здесь, чтобы встретиться с синьором Орсини, но и отказать в визите было бы невежливо.

– Ты хочешь сказать, что опасно злить мафиози?

– Чезаре Орсини – бизнесмен. Неужели ты веришь тому, что пишет желтая пресса?

– Твои сотрудники вполне справятся без тебя. Секретарь, бухгалтеры...

– А как же торжественный обед, который я запланировал? – Принц вопросительно поднял бровь. – Ты предлагаешь моей экономке исполнить роль хозяйки дома?

– Я тоже не исполняла этой роли уже много лет. Твоя любовница с блеском справится с ней, как это не раз бывало.

– Синьор Орсини родился в Италии.

– Он родился на Сицилии, – поправила отца Алессия со всем презрением истинной тосканской аристократки.

– Сицилийцы же очень привержены своим традициям. Если развлекать гостя в отсутствие хозяина будет его любовница, это оскорбит сицилийца. – Глаза принца сделались холодными. – Или ты ждала, что я буду отрицать наличие у меня любовницы?

– Моя мать в оздоровительном санатории!

– Да, – принц выдержал паузу, – причем в очень дорогом.

От слов отца, его интонации по спине Алессии пробежал холодок.

– Что ты хочешь этим сказать?

Витторио вздохнул.

– Боюсь, что без денег Орсини мне придется сделать другой выбор. Я говорю о твоей матери и лечебном учреждении, в котором она сейчас находится.

– Другого выбора нет. Если не санаторий, значит, общественная больница...

– Ты все правильно поняла, моя дорогая. Если не санаторий, то...

Алессия поехала. Она хорошо знала, насколько бессердечным может быть ее отец.

– Я вижу осуждение в твоих глазах, дочь, но я не собираюсь терять то, что принадлежит нашей семье пять столетий.

– Тебе стоило подумать об этом до того, как ты довел винодельню чуть не до банкротства.

Принц нетерпеливо махнул рукой.

– Так ты сделаешь то, о чем я прошу, или нет?

«Разве у меня есть выбор», – с горечью подумала Алессия.

– Два дня, – сказала она. – Я могу посвятить твоим делам только два дня.

– *Grazie*, моя красавица!

– Шантажист не благодарит шантажируемого, папа.

Глава 2

Дома Ника ждала не женщина, а записка от нее: «Позвони мне». Ник вздохнул. Он позвонит, но не сейчас, а по возвращении из бессмысленной поездки в Тоскану. Позвонит, пошлет цветы и... Определенно настало время закончить и эти отношения.

Ник снял смокинг, принял душ, натянул тренировочные брюки и пошел в кухню. Включив кофеварку, он задумался о предстоящей поездке.

Ему все еще казалось, что отец ловко обвел его вокруг пальца. Эта трогательная история о матери... Даже если это и правда, что же отец ждал сорок лет, чтобы подарить ей столь желанный «кусочек Тосканы»?

Но теперь уже все равно. Ник дал слово и не нарушит его.

Он налил кофе в большую кружку. Ему было не по себе – слишком много шампанского или слишком длительное общение с отцом. Сделав пару глотков, Ник почувствовал, как кофеин возвращает ему энергию, и решительно достал документы из конверта, всученного ему Чезаре.

Разложив бумаги на мраморной столешнице, Ник прочитал первый документ и покачал головой. Оказывается, он должен встретиться с принцем Витторио Антонини уже завтра.

«Было бы неплохо согласовать это со мной, отец», – в сердцах пробормотал Ник. Впрочем, чем раньше он разделается с этим виноградником, тем лучше.

Отпив еще кофе из своей необъятной кружки, Ник потянулся за телефоном.

К его удивлению, попасть из аэропорта Кеннеди во Флоренцию оказалось не так просто. Ему предстояла пересадка в Риме, а это значит, что поездка будет долгой. И все-таки Ник был полон решимости уложиться в два дня. Заказав билет на самолет до Рима первым классом, он забронировал люкс в «Гранд-отеле» и арендовал машину, которая должна была ждать его в аэропорту.

Нажав на телефоне кнопку быстрого набора, Ник заказал тайскую лапшу в маленьком ресторанчике за углом его дома. Ожидая, пока ее доставят, он продолжил изучать документы по винодельне Антонини. Семья принца владеет виноградниками и винодельней уже пять столетий. Витторио унаследовал их от своего отца, а после него они перейдут к его дочери, которая, судя по всему, особого интереса к этому бизнесу не проявляет.

Алессия Антонини была завсегдатаем вечеринок. Сама она называла себя специалистом по связям с общественностью и проводила время в Риме носясь с одной вечеринки на другую в толпе богачей. Ник знал заранее, что эта особа собой представляет – пустоголовая эгоцентристка, потворствующая своим прихотям. Нью-Йорк был полон подобного рода молодыми женщинами.

Впрочем, Ника это не касалось. Ему предстояло иметь дело с ее отцом, принцем Витторио.

В конверте была также записка, написанная на плотной веленовой гербовой бумаге. Синьора Орсини просили сообщить секретарю принца о точном времени прибытия в Тоскану. Принц намерен не просто прислать за ним машину в аэропорт, а лично встретить синьора. И конечно же принц надеется, что синьор Орсини остановится на вилле Антонини.

Ник позвонил и, только набрав номер, спохватился, что в Италии была глубокая ночь. Он оставил голосовое сообщение, изъяснившись на своем, как он самокритично полагал, ужасающем итальянском, сообщив, что прилетит завтра, но не указав ни времени, ни номера рейса и максимально вежливо отказался от приглашения остановиться на вилле.

Прозвенел дверной звонок – курьер доставил заказанную тайскую лапшу *pad thai*. Ник снова расположился за барной стойкой, решив за едой продолжить изучение документов по винодельне Антонини.

К полуночи у него набралось множество вопросов и очень мало ответов.

Алессия мерила шагами зал прилета флорентийского аэропорта, и остатки ее терпения стремительно истощались.

Где-то среди ночи мафиози Орсини оставил голосовое сообщение. Он что, никогда не слышал о разнице во времени между Америкой и Европой?

Этот Орсини просто-напросто бандит. Его коэффициент умственного развития, как у улитки. Сообщение было наговорено на отвратительном итальянском. Не наговорено даже, а пролаяно на местном сицилийском диалекте. Ну а как еще мог говорить такой человек?

Хотя надо отдать ему должное, у него красивый голос – низкий, чуть хрипловатый. И слишком молодой для пожилого мужчины.

Его ночное сообщение не содержало никакой информации, кроме той, что он прилетает сегодня.

Алессия презрительно фыркнула. Естественно, сегодня! Ведь они об этом договорились с ее отцом. Да, мафиози еще что-то говорил об отеле... Это вообще непонятно, потому что отец предупредил, что тот остановится у них на вилле. И ни слова ни о рейсе, ни о времени прибытия!

Теперь вот она торчит в аэропорту, встречая все рейсы, которыми Орсини теоретически мог бы прилететь. Черт его знает, через какой город он летит – через Лондон, Париж... Алессия твердо решила, что рейс из Рима будет последним, который она встретит. Она и так провела в аэропорту целый день.

На табло высветилась информация о прибытии рейса из Рима. Слава богу! Если Орсини все-таки прилетел, то только этим самолетом. Итак, пять минут на выход пассажиров из самолета, десять – на получение багажа, еще десять – на прохождение паспортного контроля.

Ноги в туфлях на высоких каблуках гудели нестерпимо. Зачем ей здесь эти туфли от Диора? Их каблуки больше смахивают на стилеты. Глупо, конечно, но они идеально подходили к ее костюму цвета слоновой кости от Армани. Алессия одевалась очень тщательно, но не для того, чтобы произвести впечатление на Чезаре Орсини, а чтобы напомнить ему о том, кто есть она и кем был и, судя по всему, остался он.

Зачем мафиози хочет вложить деньги в их винодельню? В любом случае диктовать условия будет она. Это ее право, тем более отец сам втравил ее в это дело.

В зал ожидания начали выходить первые пассажиры с римского рейса. Три священника средних лет с чемоданами на колесиках. Два подростка с рюкзаками. Изможденная мамаша с орущим малышом на руках. Пожилой мужчина, опирающийся на трость. Молодая пара, держащаяся за руки...

И мужчина.

Высокий, темноволосый, в безупречно сидящем костюме, явно сшитом на заказ. Он шел быстро и решительно, при этом выражение его лица было настолько сердитым, что Алессия невольно сделала шаг влево.

И напрасно... Потому что мужчина, в свою очередь, сделал шаг вправо, чтобы обойти стоявшую на пути девушку.

Они столкнулись. И Алессии показалось, что по ней пропустили электрический ток.

Мужчина пристально посмотрел ей в лицо, и по тому, как сузились его глаза, Алессия поняла, что он испытал то же самое. Какие у него глаза! Цвета крепкого-крепкого эспresso. Остальные части лица тоже впечатляли – прямой нос, квадратная челюсть, твердый рот.

Это было очень... мужское лицо. Очень красивое мужское лицо.

– Извините.

Алессия моргнула, приходя в себя. Голос мужчины был холодным и нетерпеливым. Было совершенно очевидно, что вместо слов извинения ему хотелось сказать: «Какого черта ты не убралась с моего пути?»

Алессия сделала шаг в сторону.

– Ваши извинения приняты, – надменно ответила она.

Мужчина удивленно вскинул брови.

– Замечательно, – пробормотал он и решительно прошел мимо.

Грубиян!

Стоп! Мужчина говорил по-английски. Она автоматически ответила ему... Значит, он американец... И голос?! Низкий, хрипловатый...

Пассажиры продолжали выходить, но когда поток иссяк, Алессия поняла, что Чезаре Орсини этим рейсом не прилетел.

Черт все побори!

Алессия крутанулась на каблуках и направилась к выходу из здания аэропорта. За стоянку ее черного «мерседеса» пришлось выложить уйму денег... Все, пусть отец сам разбирается с этим делом, с нее довольно!

Алессия повернула ключ зажигания, открыла окошко. Машина завелась, издала мощный, хоть и деликатный рев, но пешеходов это не смутило. Они толпой пересекали проезжую часть дороги, невзирая на правила. В Италии это было обычным явлением.

Алессия все-таки тронулась и стала медленно, но настойчиво продвигаться вперед. Толпа чуть расступилась, и она направила машину в образовавшийся просвет...

И во что-то врезалась. Послышался звон разбитого стекла – ехавший впереди «феррари» остался без задней фары.

«Господи, что теперь будет», – подумала Алессия, увидев, как открывается водительская дверца «феррари». Из машины вышел мужчина, обошел ее и выругался при виде разбитой фары. Потом поднял голову и посмотрел на Алессию...

Это был он! Высокий темноволосый американец. Теперь он был не просто сердит. Он был в ярости! Алессия вжалась в спинку сиденья, наблюдая за его приближением. Но она быстро взяла себя в руки, сделала глубокий вдох и вышла из машины с улыбкой на лице.

– Извините, я не заметила вас.

– Не заметили? Это «феррари»! Все, что хотелось сейчас Алессии, это поскорее попасть домой, сбросить туфли и снять измятый костюм, выпить стаканчик... или пару... вина.

– Сначала вы толкнули меня, потом не заметили мою машину.

– Мне не нравится ваш тон!

– Вам не нравится мой тон? – Мужчина оскорбительно расхохотался.

– Мы говорим не о том, – разозлилась Алессия. – Я предложила бы вам обменяться страховой информацией. Никто из нас не пострадал, всего-навсего причинен лишь незначительный ущерб вашей вульгарной машине. Тем не менее я прощаю вам ваши оскорбительные замечания.

– Вульгарная машина? У меня? И вы прощаете мне мои оскорбительные замечания? – Мужчина смотрел на Алессию с неподдельным негодованием. – Дьявол, что творится с людьми в этой стране! Нет прямого рейса из Нью-Йорка! Задержка в Риме, заявленная в сорок минут, на деле оказалась трехчасовой! И все потому, что идиот-механик уронил отвертку куда-то во внутренности двигателя!

Он продолжал говорить, но Алессия уже не слушала его, похолодев от дурного предчувствия.

– Вы говорите по-итальянски? – прервала она поток его негодования.

– Что?

– Я спросила, говорите ли...

– Нет. Несколько слов разве что. А вы что, паспортный контроль?

– Скажите что-нибудь на итальянском.

Он посмотрел на нее с сочувствием, но несколько слов все-таки произнес.

Алессия едва не задохнулась.

Нет, не от того, что он произнес, хотя это было несколько ругательств, а как! Он говорил не по-итальянски. Он говорил по-сицилийски! Низким, чуть хрипловатым голосом...

– Как вас зовут? – тихо спросила она.

– Что?

– Кто вы? Чезаре Орсини?

– Нет, – честно ответил Ник.

– Точно?

Он рассмеялся, а Алессия покраснела.

– Я подумала, что вы – это он, на кого я убила целый день.

– В каком смысле?

– В прямом. Я проторчала здесь целый день в ожидании прилета этого человека.

Улыбка сползла с лица Ника.

– Если скажете, что вы – Витторио Антонини, я вам не поверю.

– Я его дочь, Алессия Антонини.

– А я – Николо Орсини. Чезаре – мой отец.

– Отец?! Это невозможно! Меня никто не предупредил, что планы изменились. И где вы были все это время?

– Где я был? – По скулам Ника прокатились желваки. – В Риме, ожидая посадки, в ВИП-ложе компании «Алиталия». И поверьте, принцесса, это было весьма утомительно даже в таких шикарных условиях.

– Не называйте меня так – титулы больше не актуальны в Италии.

Ник окинул Алессию Антонини выразительным взглядом, пройдясь сверху вниз. Было видно, что он оценил состояние прически, костюма от Армани и туфель от Диора.

– Я вижу.

Она вспыхнула.

– Между прочим, я ожидала...

– Моего отца. Я это уже понял. Но не понял, почему здесь вы. Где ваш отец и его водитель?

– Так вы знали, что вас будут встречать! И тем не менее не сообщили ни время прибытия, ни номер рейса...

– А я не хотел, чтобы меня встречали и везли на виллу, где бы рассказывали о том, как мне повезло инвестировать средства в вашу винодельню.

– Я считала, что инвестировать средства намерен старый мафиози, ваш папаша.

У Алессии перехватило дыхание, потому что Николо Орсини сделал шаг и оказался слишком близко к ней. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть ему в лицо.

– Я здесь в качестве эmissара моего отца, – холодным, надменным тоном произнес Ник, – и советую вам следить за своей речью, принцесса. Оскорбляя одного из Орсини, вы оскорбляете нас всех.

И опешил. Откуда взялись эти слова? Если бы оскорбили его братьев, мать, сестер, тогда еще понятно, но отца?!

– Ваш отец тот, кто он есть. – Алессия решила не отступать. – И если вы думаете, что я буду прикидываться, будто не знаю, кто он на самом деле, вы ошибаетесь...

Ник пристально смотрел на нее. То, что с утра было, видимо, тщательно уложенным пучком, превратилось в гриву золотистых волос, выбившихся из прически. В глазах принцессы сверкал вызов. Изящная линия скул так и просила, чтобы ее очертили пальцем... Алессия Антонини была великолепна. И при этом так высокомерна! Смотрела на него презрительно, словно он... таракан какой-то.

Ник стиснул зубы. Она уверена, что он такой же, как и его отец. Но ведь он не был таким! И все-таки что-то глубоко внутри его не позволило Нику отрешиться от Цезаре. Да, она аристократка, а его отец был крестьянином. Ник однажды поинтересовался семейной историей и знал, что у таких людей, как его отец, было в жизни два пути – стать членом мафии или прозябать в бедности. Впрочем, от этого он не перестал презирать и осуждать отца.

– Ваш отец тоже тот, кто он есть. Или вы предпочитаете не думать о том, что ваш виноград всегда поливался отнюдь не вашим потом.

– Не стоит читать мне лекцию по социальной экономике. Кроме того, времена давно изменились.

– Конечно, – холодно согласился Ник. – Теперь Антонини просят денег у Орсини.

– Антонини никогда ничего не просят! – взорвалась Алессия. – И не забывайте, мы обратились к Цезаре Орсини, а не к вам.

Она права. Он всего-навсего должен предоставить отцу отчет о положении дел в этой винодельне...

– Ну что, синьор, вам нечего возразить?

Принцесса, черт ее возьми, победно улыбнулась.

От этой улыбки у Ника вдруг свело живот. В ней отразилась многовековая принадлежность к высшей знати; она просто кричала об извечной пропасти между королями и простыми людьми, но Ник не сомневался, что последнее слово будет за ним.

Он тоже улыбнулся, а Алессия вдруг испугалась. Она сделала шаг назад, но Ник схватил ее за запястье и резко рванул на себя.

– Планы изменились, принцесса.

– Отпустите меня!

Он на мгновение отпустил, но только затем, чтобы положить руку на ее затылок и снова рывком притянуть к себе. Пальцы немедленно запутались в густых кудрях.

– Потенциальный инвестор – я, – прошептал он. – Я, а не мой отец.

– А мой отец говорил мне другое!

Желваки вновь перекатились по скулам Ника. Алессия с испугом смотрела на него глазами такого густого синего цвета, что они казались фиолетовыми.

Он обескуражил ее, Ник видел это. Черт! Еще больше он обескуражил самого себя.

Может, он и был крестьянином по рождению, но прежде всего Ник был мужчиной. А принцесса Алессия была женщиной. Женщиной, которой следовало преподать урок истории о том, что на дворе двадцать первый век, а не шестнадцатый.

Взгляд Ника остановился сначала на ее губах, потом поднялся чуть выше и теперь он посмотрел Алессии прямо в глаза.

– Поверьте, принцесса... – Его голос стал похожим на... наждачную бумагу. – Единственный Орсини, с которым вам придется иметь дело, – это я.

Алессия, принцесса Антонини, покачала головой и беспомощно прошептала:

– Нет...

И тогда Ник заставил ее замолчать классическим приемом – взял в ладони лицо принцессы и приник к ее губам.

Глава 3

Время, казалось, остановилось. Алессия была слишком ошеломлена, чтобы отреагировать. Сильные руки практически незнакомца крепко обнимали ее. Губы не отрывались от ее губ. Жар мускулистого тела опалял...

Наконец она пришла в себя. Ярость и негодование мгновенно вспыхнули в ней, превратив в мегеру. Алессия попыталась отвернуть лицо, уперлась обеими руками в грудь мужчины, но он продолжал удерживать ее. Рука, зарывшаяся в ее волосы, не позволяла уклониться от поцелуя. Другая рука скользнула по спине, легла на поясницу и еще теснее прижала Алессию к его телу.

Он, вероятно, сошел с ума – Николо Орсини целовал ее так, будто имел на это право.

Алессия снова уперлась в грудь Ника. Она толкала эту гору мышц... безуспешно. Тут она почувствовала его возбуждение, и земля покачнулась под ногами.

Потом она услышала стон. Неужели этот низкий, горловой звук издала она? Ее руки, будто сами по себе, скользнули по его плечам, пальцы зарылись в густые волосы на затылке, рот приоткрылся...

И тут все закончилось. Ник резко отстранил Алессию.

Она открыла глаза и посмотрела ему в лицо. Его черты стали резче; глаза цвета эспresso превратились в щелки в обрамлении густых черных ресниц; на виске пульсировала жилка, а со скул медленно сходил румянец.

Алессии хотелось дать ему пощечину, но еще больше – бежать от этого человека без оглядки. Но она знала, что от хищника нельзя убегать, и заставила себя остаться на месте. Сделав глубокий, успокаивающий вдох, она вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Если вы хотели произвести на меня впечатление, – холодно произнесла она, – то вам это не удалось.

Губы Ника искривила усмешка.

– Удалось, – самоуверенно констатировал он.

– И я предупреждаю вас, синьор, что, если вы еще раз позволите себе...

– Избавьте меня от угроз. Вы не в том положении, чтобы угрожать.

Как же он ей ненавистен!

– Вы варвар!

– Варвар! – Ник усмехнулся. – Продолжай, милочка, не сдерживай себя. Скажи все, что ты думаешь. – Усмешка исчезла с его лица. – Но не забывай, что кошелек в моих руках, и тогда мы поладим.

И тут самообладание покинуло Алессию.

– Мы никогда не поладим, синьор! Планы снова меняются. Винодельня Антонини уже не нуждается в инвестициях. Вы напрасно проделали столь долгий путь.

Ник предостерегающе сузил глаза. Принцесса стояла напротив него, вытянувшись в струнку, плечи расправлены, голова надменно вскинута. Весь ее вид выказывал презрение. Что ж, отлично! Между ними нет недомолвок. Но какой черт вселился в него, когда он поцеловал ее? Зачем?

Чтобы поставить на место?

Нет!

Он никогда не обращался с женщиной подобным образом, никогда силой не брал того, что та не была готова отдать ему сама.

Но даже если бы им двигало желание поставить принцессу на место, эффект получился обратный. Она явно не была потрясена. Наоборот, казалась собранной и холодной. Нику,

должно быть, почудилось, что в конце их поцелуя Алессия расслабилась и ответила ему, что ее губы приоткрылись навстречу его губам, слышался ее стон...

Или стон был его собственный?

– Вы меня поняли, синьор Орсини? Возвращайтесь домой, к своим гангстерам. Антонини не будут иметь с вами дела.

Что ж, все стало предельно ясно. В глазах принцессы он был не только варвар, а еще и сицилийский мафиози, бандит и головорез. Одним словом, настоящий Орсини.

– Мы возместим все понесенные вами затраты.

О, это императорское «мы»! Принцесса, соизволившая беседовать с одним из подданных. Ник улыбнулся, скрестив руки на груди, и оперся бедром о капот своего вульгарного «феррари». Это была та улыбка, которая во время заседаний и переговоров нагоняла парализующий страх на собеседников.

– Очень мудрое предложение, – вкрадчиво ответил Ник.

– Именно так. – Алессия окинула взглядом машину. – Счет за ремонт тоже пришлите нам.

– Вместе с перечнем... как вы это назвали? Ах да, понесенных затрат?

– Как пожелаете. А теперь, синьор, позвольте...

– ...Сказать мне *arrivederci*? И не надейтесь.

– Что?!

Алессия изо всех сил старалась выглядеть элегантной и надменной, но под его взглядом остро чувствовала, что ее костюм помят, волосы растрепаны. Словно она только что... вылезла из чьей-то постели.

Ник думал о том же. Принцесса выглядела так, будто только что вылезла из постели. Его постели. И тело немедленно отреагировало на эту мысль самым очевидным образом, а в голове замелькали картинки – обнаженная высокомерная ледышка тает в его объятиях под напором неистовой страсти.

Господи, что за мысли лезут в голову?

– Вы правы, – резко произнес Ник. – Поездка была долгой. Восьмичасовой перелет из Нью-Йорка в Рим, трехчасовая задержка рейса... Я убил уйму времени.

– И вы желаете компенсацию?

Ник увидел, что чертова принцесса открывает кошелек. Она извлекла чековую книжку и вопросительно посмотрела на него:

– Сколько?

Алессия ахнула, когда пальцы Ника сомкнулись на ее запястье.

– Вы всегда так самоуверенны, принцесса? Или только со мной?

В ее глазах полыхал гнев.

– Отпустите меня, мистер Орсини.

Ник ухмыльнулся:

– А почему не синьор? Или согласно вашей табели о рангах я недостоин такого обращения? – Он притянул ее еще ближе. – Я внимательно изучил материалы по винодельне, которые прислал ваш отец. Винодельческий бизнес Антонини на грани банкротства.

– Вас это не касается.

– Принцесса, я хорошо разбираюсь в инвестициях и, проанализировав цифры, понял, о чем ваш отец забыл упомянуть в присланных материалах.

– И о чем же? Я не понимаю...

– Думаю, понимаете, принцесса. Ваш папочка большую часть денег забирал себе, а не вкладывал в дело. Куда они шли? На лошадей? На казино? На женщин?

Алессия резко взмахнула свободной рукой:

– Все! Разговор окончен!

– Без денег, а ваш отец запросил пять миллионов евро, хотя, я думаю, потребуется больше, вам очень скоро придется проститься с семейным бизнесом. Так что вам позарез нужны мои деньги.

– Нам ничего не нужно от такого человека, как вы.

– И вы готовы в мгновение ока лишиться того, что принадлежало вашей семье пять веков? Придется отказаться от привычного образа жизни...

– Вы думаете, меня это сильно волнует?

– Волнует. Иначе вы не потратили бы целый день на то, чтобы встретить простолюдина.

– Вы ошибаетесь, мистер Орсини. Я здесь, потому что... потому что...

Алессия растерянно моргнула. Ник буквально видел, как лихорадочно она пытается вернуть контроль над ситуацией. Ее послали встретить его, а она была принцессой Антонини, не привыкшей иметь дело с простолюдином, но и не имевшей власти избавиться от него.

– В чем дело? – ухмыльнулся Ник. Не получив ответа, он протянул ей свой мобильный. – Позвоните папочке и выслушайте все, что он вам ответит на ваше решение отправить меня восвояси.

– *Bastardo insolente!* Наглый ублюдок!

Ник прекрасно знал, что принцесса не позвонит.

Только не знал – почему.

«Мамочка, – в ужасе думала Алессия. – Как я могла забыть о тебе?»

Злость на этого американца на какое-то время затмила реальность. Но ей придется заключить сделку с дьяволом, если она хочет, чтобы ее мать оставалась в санатории. Николо Орсини нужен ей, и она будет иметь с ним дело, чего бы ей это ни стоило.

И все-таки какой же он мерзкий!

Высокомерный. Самоуверенный. По-гангстерски brutalный. А поцелуй?! Мафиози уверен, что он неотразим, вообразил, что этот его бандитский шарм способен произвести на нее впечатление...

Впрочем, не важно. Алессия не может отделаться от него. Теперь мистер Орсини – ее проблема, и эту проблему ей предстоит решить. И у нее не было сомнений в том, что она сумеет справиться с ним. Да и выбора у нее не было.

– Проблемы, принцесса? Вы забыли номер телефона папочки?

Алессия моргнула, возвращаясь в реальность. Но кем бы ни был Николо Орсини, нельзя было не признать, что он великолепен. Настоящее воплощение мужественности. По роду своей работы Алессии часто приходилось сталкиваться с внешне привлекательными мужчинами, которым их деньги позволяли иметь дизайнерскую одежду, лучшие машины. Одним словом, все то, что превращает просто привлекательного мужчину в неотразимого красавца.

Одежда Орсини была, безусловно, дорогой, стрижка – стильной, но не это делало его великолепным. Он был великолепен сам по себе, независимо от одежды и стрижки. Густые темные волосы, глаза, напоминающие безлунную ночь, прямой нос, твердые губы и резко очерченные скулы. И еще он был чертовски сексуален. Длинное, поджарое, мускулистое тело, чувственные губы...

– Вы так внимательно смотрите, принцесса. Ну и как, нравится вам то, что вы видите?

Алессия подняла взгляд от губ выше и почувствовала, что краснеет. Его тон был оскорбительным, но в глазах полыхал пожар.

– Я просто думала о том, – холодно ответила Алессия, – что внешне вы не выглядите как дикарь, синьор Орсини. Но это лишь еще раз доказывает, что внешность обманчива.

Ник пожал плечами.

– Ваш отец – это ваш отец, принцесса. Мой – это мой. Я же именно то, что вы видите перед собой.

Алессия чуть нахмурилась – слова Ника привели ее в замешательство. Но потом она решила, что таким образом он выразил согласие, признал, что он сын «крестного отца», член мафии, корни которой уходят на Сицилию, которую презирают все порядочные итальянцы.

И все-таки ей придется иметь с ним дело.

Итак, завтра поездка на винодельню, а сегодня вечером – официальный обед на отцовской вилле.

Через день Николо Орсини навсегда исчезнет из ее жизни. А два дня в его обществе она как-нибудь переживет.

Что касается распоряжения отца поработать шофером у мистера Орсини и привезти его на виллу, то Ник сам облегчил ей задачу, сказав, что привык быть независимым. И арендованный «феррари» этому доказательство. Отлично! По поводу же его пребывания на вилле... Она посоветует ему отель, если он не позаботился забронировать номер, а утром заедет за ним.

Все решаясь, в приливе оптимизма подумала Алессия и повернулась к Нику, чтобы озвучить свое предложение, но он уже нажимал кнопки на своем мобильном, а потом заговорил с кем-то по-английски. Как оказалось, он звонил в агентство, в котором арендовал машину, и приказал забрать ее в аэропорту. По поводу небольшого повреждения им надлежит переговорить с его страховой компанией. Машину он возвращает потому, что она больше ему не потребуется.

– Как это не потребуется? – зашипела Алессия.

Ник ухмыльнулся:

– Ваш отец пригласил меня остановиться на вилле, а вас определил моим личным гидом и шофером. Я ничего не путаю, принцесса?

Алессия уже была готова достойно ответить наглецу, но потом передумала. Она кивком указала на свой «мерседес»:

– Садитесь!

– Какое любезное приглашение.

Она молча обошла машину и села за руль.

– Два дня, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Прошу прощения?

Господи, как же он ей ненавистен! Этот любезный тон, эти аристократические манеры... Все это так же фальшиво, как... как... Алессия резко нажала на тормоз, едва не проскочив на красный свет.

– Я сказала, что даю вам два дня. Это более чем достаточно, чтобы осмотреть виноградники и винодельню и пообщаться с управленческим аппаратом.

Ник откинулся на спинку сиденья. Два дня... Именно столько он сам себе отвел на поездку в Тоскану. Но теперь ситуация изменилась.

– Неужели? – протянул он насмешливо.

– Два дня! Как я уже сказала, этого времени более чем достаточно, чтобы...

– Две недели, – произнес Ник, не веря самому себе, что сказал это. – Мне потребуется намного больше времени, чтобы принять решение. И я, конечно, рассчитываю, что вы будете в моем распоряжении двадцать четыре часа в сутки все эти четырнадцать дней.

Ее обескураженный вид едва не заставил Ника рассмеяться. Если бы принцесса только знала, что он только что кардинально поменял так тщательно разработанный план.

– Вы *pazzo*? Сумасшедший? Я не собираюсь возиться с вами две недели!

Ник подался к ней и приник губами к ее рту. Когда Алессия сделала попытку увернуться, он взял ее лицо за подбородок и удерживал до тех пор, пока она тихонько не застыла и не приоткрыла губы...

Позади негодуяще засигналила какая-то машина.

Ник отпустил Алессию и снова откинулся на спинку своего сиденья.

– Две недели. – В его голосе слышалась хрипотца, с которой он не совладал. – Если вам нужны мои деньги, вам потребуется две недели, чтобы получить их.

Глава 4

Николо терпеть не мог ездить в машине. Он любил все держать под контролем, и это было одним из уроков Чезаре, который его сыновья хорошо усвоили.

Когда вам в лицо тычут микрофон или камеру после того, как ваш отец снова стал сенсацией, единственный способ отделаться от идиотов, почему-то уверенных, что имеют право лезть в вашу частную жизнь, – это молчать и не терять самоконтроля.

Усвоенный урок помогал Нику не только на улицах «Маленькой Италии», когда он был еще мальчишкой, при участии в боевых действиях во время службы на флоте, но и в мирной жизни, когда заключал миллиардные сделки. Ник никогда не задумывался о том, как жесткий самоконтроль влияет на остальные сферы его жизни, но сейчас, сидя рядом с Алессией Антонини в салоне «мерседеса», еле ползущего по скоростному оживленному шоссе, чувствовал, что находится на грани срыва.

Они ехали от силы минут двадцать, но Ник опасался, что либо под его ногой провалится пол, на который он инстинктивно давил в поисках педали газа, либо он силой выдернет принцессу из-за руля и сам поведет машину.

Сколько лет принцессе? Двадцать пять? Двадцать шесть?

Ник посмотрел на ее надменный профиль, на руки, сжимающие руль так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Сколько бы ни было лет Алессии Антонини, до старости ей еще далеко. У Ника была тетя, которой восемьдесят пять, но даже она не водила машину так медленно.

Алессия держала скорость едва ли двадцать миль в час, в то время как мимо проносились машины на скорости сто миль. Принцесса была для водителей этих машин настоящим дорожным кошмаром. Она же либо не понимала этого, либо плевать хотела.

Машины проносились мимо них со свистом, но успевали возмущенно посигналить, Алессия же невозмутимо продолжала ехать с той же черепашьей скоростью.

Нет, он должен что-нибудь сказать или сделать.

– Что-то не так с машиной? – кашлянув, спросил Ник. – Почему вы едете так медленно?

– Я еду с положенной скоростью.

– Хм, не думаю.

– Вообще-то мне все равно, что вы думаете, – холодно ответила Алессия, не поворачивая головы.

– Вообще-то, – Ник сделал ударение на этом слове, – я уверен, что нет. Но сейчас я весьма вежливо пытаюсь сказать вам, что лучше было бы соблюдать общие правила движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.